

ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ В КИТАЕ

М.Ю. Коростиков

ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ В КИТАЕ: ОТ ТРАДИЦИИ К МАРКСИЗМУ

Взаимоотношения власти и собственности являются ключевой характеристикой внутренней жизни государства. Защищены ли права собственности? Насколько сильно власть контролирует экономику? Какие формы принимает коррупция? Все эти вопросы имеют не только научную, но и практическую ценность: в зависимости от существующей модели страна может либо процветать, либо находиться в упадке. Власть и собственность могут сосуществовать следующим образом:

– Условно «западная» модель, когда собственность порождает власть. Богатейшие люди фактически покупают политическое влияние.

– Условно «восточная» модель, при которой власть даёт право на контроль над собственностью. Права на имущество сосредоточены в руках управленцев, которые дают и отбирают её по своему желанию.

– Смешанная модель, характеризующаяся нестабильностью взаимоотношений и частыми кризисами, протекающими как поочерёдное доминирование каждой из моделей.

– Китай – страна с древнейшей непрерывной задокументированной историей, и все перечисленные выше модели сыграли в её развитии важную роль. Будучи «письменной» цивилизацией, достаточно рано сделавшей кодификацию норм элементом повседневности, Китай обеспечил себе основу для роста благосостояния государства, создав легко узнаваемый тип взаимоотношений

между властью и собственностью. Кратко его можно описать следующим набором черт:

– «Восточный» тип имущественных отношений: глава государства – верховный редистрибутор земли и ресурсов в целом.

– Политическая централизация и контроль государства над экономикой воспринимается как благо, децентрализация и обособление политических единиц – как предвестник смуты и хаоса.

– Отбор частной собственности считается жестоким, но в целом оправданной мерой, призванной помешать излишнему усилению отдельных игроков.

– Собственность как таковая не считается неприкосновенной, распоряжение ею подчинено цели предотвращения ослабления государства.

После прихода к власти коммунистов взаимоотношения между властью и собственностью были перестроены в соответствии с марксистской доктриной, хотя и в более «лёгкой» версии, чем в СССР. Все банки были национализированы, унифицирована была расшатанная за годы войны клика финансовая система. Были учреждены государственные торговые компании, которые закупали продукты у производителей и конкурировали на рынке с частными продавцами. Принятые на первых порах меры можно было бы даже назвать стимулированием коммерции и торгового оборота. В государственных руках ещё при Гоминьдане и без того находилось более трети всей экономики, включая большую часть тяжёлой промышленности и транспорт, так что коммунисты лишь продолжили развивать линию на огосударствление народного хозяйства.

Тем не менее, доктрина диктовала свои условия. К 1952 году 83% экономики было передано в государственное управление, а к 1958 частных предприятий в стране не осталось: 67,5% были государственными, 32,5% – смешанной частно-государственной формы собственности. Сделано это было не столько через прямую экспроприацию, сколько через установку невыносимых условий кредитования и налогообложения для исключительно частных предприятий: их вынуждали акционироваться и продавать большую часть акций государству. Впрочем, бывших владельцев нередко назначали директорами новых государственных предприятий, что делало национализацию менее болезненной, чем в СССР. Большие изменения произошли в сельском хозяйстве: земля была конфискована у лендлордов и «кулаков» (около 30% населения) и распределена между всеми крестьянами относительно в равной пропорции. Внедрялась система «команд взаимопомощи», протоколхозов, где объединённые в группы домохозяйства должны были помогать друг другу в работе, и к 1958 году 94% хозяйств были коллективизированы. Направление на огосударствление имело место до конца 1970х гг.

После смерти Мао Цзедунa и непродолжительного периода борьбы за власть победителем оказался Дэн Сяопин, и вскоре последние ультралево консерваторы были повержены и отправлены в тюрьму, а экономические отношения приобретали новое измерение. В стране начинались рыночные реформы, нарождался класс предпринимателей. Для закрепления существующего статуса была издана новая Конституция 1982 года, которая оказалась настолько удачной, что с поправками существует и по сей день. В этой конституции были сохранены две формы собственности, государственная и коллективная, но статья 11 указывает на существование «индивидуальной экономики», которая хотя и находится под надзором государства, но и защищается им. Также статья 13 утверждает, что государство защищает нажитое в соответствии с законом, частную собственность граждан и право на наследуемое имущество. Согласно поправке к статье 11, принятой в 1988 году «государство

разрешает существование частного сектора экономики в дополнение к социалистической экономике». Государство, как указано, контролирует и надзирает за частным сектором, но и защищает его права. Более того, в этом же году поправкой в конституцию было разрешено передавать или продавать права пользования на землю, что ранее было строжайше запрещено.

Стоит отметить, что общепризнанно главной реформой начального этапа пост-маоистских преобразований по праву считается введение системы «индивидуальной ответственности домохозяйств» в начале 1980х гг., что по сути было отменой колхозного строя на селе¹. Правительство разрешило крестьянам «вырезать» из колхозного надела равные части и самостоятельно нести ответственность за прибыли и убытки, полученные в ходе работы на нём. Распространяя опыт деревни Сяоган, где эксперимент был впервые проведён, на всю страну, власти отдали значительную долю контроля над экономикой в руки частных лиц.

В 1980 году была проведена фискальная децентрализация², больше налогов стало оставаться на местном уровне³, что способствовало росту сегмента так называемых городских и сельских предприятий (*township and village enterprises*). По форме это были предприятия, создававшиеся городскими или сельскими властями либо коллективами рабочих и крестьян и относившиеся к коллективной или государственной собственности. По факту после фискальной децентрализации такие предприятия лишь на бумаге были государственными или общественными, а по факту управлялись как частные⁴. Согласно экономическим теориям, неопределённость

¹ Tilt, B. (2008), 'Smallholders and the 'Household Responsibility System': Adapting to Institutional Change in Chinese Agriculture', *Human Ecology*, April, vol. 36, issue 2.

² Montinola, G., Qian, Y., Weingast, B.R. (1996) *Federalism, Chinese style: political basis for economic success*, *World politics*, 48:1 (The John Hopkins University Press), pp. 50-81.

³ Lijiang, Z. (2000) 'Creation, Reform and Adaptation—On the Historical Experience of the Development of the Central Local Relationship Since the Founding of the PRC', *Jiangnan Tribune*, Vol. 1, 2000, p.75..

⁴ Williams, H. (2001) 'Property Rights and Legal Reform in Township and Village Enterprises in China', *Asia-Pacific Law and Property Journal*, 2001, vol.2, issue 1.

прав собственности должна была вести к неэффективности предприятий, но реально в 1980х гг. они были самым динамичным сегментом экономики⁵, обеспечивавшим двузачные цифры роста. Формально такие предприятия принадлежали чиновникам, управляющим поселением, в реальности у них не было ни навыков, ни желания заниматься оперативным управлением, они переводили предприятие на полный хозрасчёт и поручали его дела менеджменту. От предприятия требовалось платить налоги, участвовать в социальных проектах, вроде строительства школ и больниц, наполнять рынок и создавать рабочие места⁶. Чиновники всячески помогали предприятиям, так как те закрывали цифры отчётности, делая вверенную территорию богаче и стабильнее. Это способствовало карьерному росту самих чиновников.

Интересно также то, что «система индивидуальной ответственности домохозяйств», была закреплена документально в качестве одного из разрешённых вариантов хозяйствования только поправкой в конституцию 1993 года, до этого её использование разрешалось только с неcodифицированного разрешения высшего руководства государства. Окончательно все особенности этой системы были зафиксированы в отдельном законе «О контрактном использовании земель сельскохозяйственного назначения», принятом только в 2003 году⁷. Вполне вероятно, что государство не codифицировало норму долгое время потому, что аккумуляция земли у богатых и удачливых землевладельцев лежала в основе бунтов, сотрясавших китайское государство всю его историю. Только убедившись, что земля больше не представляет такой ценности и опасности как раньше, власти решили довести дело до конца.

Дополнительную идеологическую основу под новый курс подвела прошедшая в 1985

году специальная совместная конференция «Центра изучения развития Госсовета КНР» и Всемирного Банка, которая называлась «Международная конференция по макроэкономическим реформам в Китае». Она была созвана по совместной инициативе сторон с целью выработки стратегии борьбы с инфляцией, которая в 1985 году стала угрожающе высокой (до 10% в квартал года). На конференцию были приглашены нобелевские лауреаты по экономике преимущественно социалистической ориентации, такие, как Джеймс Тобин (автор знаменитой идеи «налога Тобина») и Янош Корнай. В результате руководство Китая получило не только массу советов по существу вопроса, но и укрепило общее понимание макроэкономической ситуации в мире⁸. Стоит отметить, что именно Тобин порекомендовал КНР использовать жёсткую монетарную и валютную политику, которая в последствии позволила стране избежать худших последствий азиатского финансового кризиса. Можно сказать, что западные экономисты-социалисты предложили Китаю опробовать у себя теории, которые на Западе в силу господства в ту пору либерального фундаментализма применения найти не могли.

Несмотря на огромный прогресс, который прошла китайская правовая система в области взаимоотношений власти и собственности, нельзя не отметить, что эта сфера остаётся одной из самых неопределённых. Указанные в конституции 1982 года положения о защите частной собственности нуждаются в подкрепляющих и конкретизирующих их законах, и между её принятием и вступлением в силу положения, к примеру, о защите частной собственности, прошло более 20 лет, оно было принято лишь в 2007 г. (об этом подробнее будет рассказано ниже). Причины сохранявшегося долгое время правового вакуума может трактоваться по-разному. С одной стороны, для властей неопределённость — удобный механизм, позволяющий держать людей под контролем. Если полномочия власти дискретны, то,

⁵ Zweig, D. (1997) 'Rural People, the Politicians, and Power', The China Journal, 1997, vol. 3.

⁶ McDonnel, B.H. (2004) 'Lessons from the Rise and (Possible) Fall of the Chinese Township-Village Enterprises', William and Mary Law Review, 2004, vol.45, issue 3.

⁷ China Questions and Answers. Mode of access: <http://www.china.org.cn/english/Q&A/160352.htm>, (last visited 16 November 2014).

⁸ Lin, J.Y. (2004) 'The Chinese Miracle: How OECD Country Policy Contributed?', The Impact and Coherence of OECD Country Policies on Asian Developing Economies Conference paper (Paris, July 21, 2004).

по сути, она может делать всё, что захочет, включая отъём частной собственности во имя определённой цели. К примеру, возможна экспроприация имущества бизнесмена в случае поддержки им оппозиционных политических сил, как это произошло в своё время в России с Михаилом Ходорковским и компанией ЮКОС. С другой стороны, КПК могла просто проводить юридический эксперимент, проверяя, какой тип взаимоотношений между бизнесом и властью установится сам собой, чтобы потом его кодифицировать. При всей наивности этого предположения оно вполне вписывается в китайскую логику «переходить реку, ощупывая камни», то есть постоянно экспериментировать и запускать любое нововведение в тестовом режиме.

Из-за большого числа «дыр» в правовом поле китайская система характеризуется исследователями как «власть постановления»⁹, по аналогии с «властью закона». Когда проблема с правовым вакуумом в определённой области ощущается совсем остро, Госсовет выпускает «Постановление» или «Временное положение», которое затыкает юридическую «дыру» до тех пор, пока власть не соберёт достаточно информации и не согласует все интересы, чтобы издать полноценный закон. Исследователи часто связывают это с особенностями культуры, в которой очень важное место занимают личные договорённости, не нуждающиеся в законодательном оформлении.

Все 1980е и 1990е гг. предпринимательство и частная собственность носили экспериментальный характер, к ним относились с подозрением, причём даже тогда, когда государственный сектор в социалистической стране сжался до менее чем половины экономики. Программу разгосударствления готовы были в любой момент свернуть, если бы она была признана вредной для обороноспособности или политического режима. Такие опасения существовали во время после подавления восстания на площади Тяньаньмынь, но Дэн Сяопин, несмотря на преклонный возраст, лично приложил все усилия, чтобы ничего подобного не случилось.

⁹ Williams, H. (2001) 'Property Rights and Legal Reform in Township and Village Enterprises in China', Asia-Pacific Law and Property Journal, 2001, vol.2, issue 1.

Двойственность статуса предпринимателей и неопределённость прав собственности привели к необходимости в 2002 году новому руководителю КНР Цзян Цземиню выступить с докладом о «трёх представителях» (рабочих, крестьян и предпринимателей), который сделал бизнесменов частью общества на идеологическом уровне и открыл им доступ для вступления в КПК¹⁰. Этот поступок окончательно легитимизировал их вид деятельности, но частная собственность не имела полностью юридически оформленной защиты до 2007 года. Тем не менее, оторванность практики от правовой базы не помешала КНР достичь выдающихся результатов.

РАЗГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ ПО-КИТАЙСКИ

Когда власти КНР пришли к выводу о благотворности влияния частной инициативы на рост экономики, перед ними лежало множество путей, которыми можно было отпустить её в рыночную стихию. В середине-конце 1980х гг. на выбор уже были различные модели «рыночного социализма», который существовал, а также опыт реформ Косыгина в СССР, которые хоть и не дали результатов, но, как показывает история, активно изучались в КНР. В результате, была сделана ставка на приватизацию малых предприятий их же собственным менеджментом.

Приватизация шла в несколько этапов. Во-первых, в 1984 году ЦК КПК издал постановление «Решение о реформе экономической структуры», имевшее целью повторить на госпредприятиях успехи системы индивидуальной ответственности домохозяйств на селе. Отныне чиновникам всех уровней запрещалось вмешиваться в оперативное управление деятельностью предприятий, находившихся у них в подчинении. Часть прибыли после выполнения плана оставалась на предприятии и шла на премии управляющим в случае их достойной работы. Менеджеры госкомпаний получали в своё распоряжение всю продукцию, выпущенную сверх плана, а также набор прав кадрового и финансо-

¹⁰ Mode of access: http://russian.people.com.cn/200210/22/rus20021022_67108.html, (last visited 16 November 2014).

вого характера. Так как заработная плата теперь полностью зависела от производительности, управляющие государственных предприятий стремились увеличить производительности и брали субподрядчиками частные компании, перенимая у них в том числе управленческий опыт¹¹. Это привело к дополнительному росту числа частных предприятий. Хотя они и брали на себя огромные риски, но разница в хозяйствовании была настолько велика, что к 1993 году госсектор уже производил только 43% промышленных товаров (в 1978 г. – 78%), а на селе число занятых в нём опустилось до 30%.

В середине 1980х гг. государство выпустило серию законов, постепенно вводивших систему акционирования госпредприятий¹². Изначально было создано перекрёстное владение госпредприятиями акций друг друга, что привело к объединению и укрупнению госпредприятий на базе самых эффективных их представителей. К 1992 году Государственной комиссией по реструктуризации экономики было выпущено постановление «Пробные меры акционирования предприятий» (*Share Enterprise Trial Measures*), согласно которому предприятиям разрешалось выпускать три вида акций: акции для государственных покупателей, акции для юридических лиц и акции для физических лиц. Последний тип был разделён на акции для китайских граждан и для иностранцев. Сумма, на которую государство желает продать акций госкомпаний, утверждалась раз в год Госсоветом и равномерно делилась между провинциями, а те дробили и спускали её дальше вниз. Конечное решение о том, какие предприятия акционировать, оставалось за местными властями. При этом, государство отключило госпредприятия от прямых субсидий из бюджета, и продажа акций стала единственным способом привлечь внешний по отношению к фирме капитал.

Важной реформой, в ходе которой система менеджмента на оставшихся госпредприятиях была радикально пересмотрена, можно считать внедрённую в 1994 году так

называемую Современную систему управления предприятиями (ССУП). Ключевые её особенности состояли в следующем:

1. Обособление предприятий от государства, передача им прав собственности на фактически используемые мощности и объекты.
2. Прояснение прав и обязанностей руководства госпредприятий и государственных управляющих госпредприятий.
3. Разделение функций бизнеса и бюрократии.
4. Внедрение научных практик управления.

В практическом плане, ССУП прямо рекомендовала государственным компаниям переходить к акционерной форме собственности. Целей у реформы было несколько: понять, какая модель лучше всего подходит для управления и контроля над госпредприятиями; понять, какая система стимулов поможет соблюсти интересы госпредприятий, власти и жителей региона; понять, как лучше всего организовать собственность госпредприятия. На время реформы все госпредприятия были включены в трёхзвенную систему управления: профильное министерство – местная власть – местное предприятие¹³.

К 1998 году более 80% госпредприятий, которые подчинялись уездному уровню власти и ниже (за редчайшим исключением это были малые и средние предприятия) оказались приватизированы¹⁴. Никакого плана по приватизации крупных предприятий не было, но максимум, на который могли рассчитывать покупатели – до 24% акций, зачастую не голосующих. Частично приватизированные государственные компании получили разрешение на выхода на Шанхайскую и Шеньчженьскую фондовые биржи для привлечения дополнительного капитала. Частным малым и средним предприятиям этот метод был долгое время не-

¹¹ Naughton, B. (1995) *Growing Out of the Plan: Chinese Economic Reform, 1978-1993* (New York: Cambridge University Press).

¹² Cao, L. (2001) *Chinese Privatization: Between Plan and Market* (Brooklyn Law School).

¹³ Lee, J. (2010) *State Owned Enterprises in China: Reviewing the Evidence*, OECD Working Group on Privatisation and Corporate Governance of State Owned Assets (OECD Publishing).

¹⁴ Ho, D., Young, A. (2013) 'China's Experience in Reforming Its State-Owned Enterprises: Something New, Something Old and Something Chinese?', *International Journal of Economy, Management and Social Sciences*, 2(4) April 2013.

доступен (существовал довольно высокий минимальный порог стоимости размещения и многочисленные бюрократические препоны), и многие фирмы предпочитали выходить на открытую в 1999 году биржу в Гонконге, специализирующуюся на малых и средних инновационных предприятиях. Впрочем, для этого тоже нужно было получить разрешение властей, боявшихся массового оттока высокотехнологичных компаний с материка¹⁵. Эта мера была перестраховочной, как и ещё одна: не сумев привлечь достаточно средств через размещение акций госкомпаний на бирже, государство вместо того, чтобы открыть рынок для частных компаний и радикально увеличить его размер, предпочло выпустить ещё акций в Гонконге и Нью-Йорке.

Согласно результатам исследований выборки 634 фирм в период с 1994 по 1998 приватизация действительно улучшала финансовые показатели компании. Также приватизация положительным образом сказывалась на производительности труда¹⁶. Ещё большей продуктивности удавалось достичь за счёт продажи части госкомпаний не просто частным лицам, а иностранным инвесторам. Обратная национализация компаний является редким явлением, но вызывает обычно ухудшение финансовых показателей¹⁷.

Несмотря на изменение характера собственности, многие компании сохраняли проблемы, характерные для социалистических предприятий. В основном это было результатом закрытого характера приватизации: она была проведена таким образом, что в большинстве случаев собственником становилась управленческая команда. В итоге система менеджмента в большинстве случаев не претерпела изменений, новые практики хозяйствования внедрены были не везде. Некоторые управленческие коллективы, получив в руки контроль над предприятием,

предпочитали распродавать его имущество, после чего передавать «скелет» по бросовой цене. Во многих местах местные чиновники через дружеские и иные связи с менеджментом малых предприятий (ведь это были их бывшие подчинённые) получали фактический контроль над финансовыми потоками компаний. Особенно это было актуально в свете того, что первые пятнадцать лет существования массовой частной собственности и капиталистических отношений в КНР юридическая база была крайне неразвита. Многие вопросы хозяйствования вообще не были освещены, некоторые оставались на усмотрение местных чиновников. Всё это, фактически, ставило предпринимателей в зависимость от благосклонности того или иного чиновника, и во многих случаях делало его полноправным бизнес-партнёром.

Что касается крупных предприятий, то здесь ситуация была ненамного лучше: до 2003 года они были подчинены различным органам, имеющим разный статус в китайской властной иерархии. Какие-то предприятия находились непосредственно в ведении министерств, какие-то — в подчинении провинциальных властей, какие-то подчинялись на прямую исполнительным органам. Это затрудняло коммуникацию: крупные предприятия оборонного комплекса получали ресурсы от таких же по размеру предприятий добывающей промышленности через множество государственных посредников, что сильно затрудняло работу и удлиняло производственный цикл. Крупнейшими администраторами предприятий были Государственная комиссия по экономике и торговле, Центральный рабочий комитет по делам крупных предприятий, Комиссия КПК по делам предприятий, а также профильные департаменты Министерства финансов и Министерства труда и социальной защиты¹⁸. Полномочия часто дублировались.

Несмотря на постоянные усилия по улучшению эффективности госпредприятий, прибыльность многих из них в рыночной среде неуклонно падала. Согласно

¹⁵ Mode of access: <https://law.wm.edu/faculty/documents/cao-653-6431.pdf> (last visited 16.11.2014).

¹⁶ Song, L., Yao, Y. (2004) 'Impacts of privatization on firm performance in China. China Share Issue Privatization: the extent of its success', *Journal of Financial Economics*. Vol. 70, Iss. 2. pp.183–222.

¹⁷ Driffield, N., Du, J. (2007) 'Privatisation, State Ownership and Productivity: Evidence from China', *International Journal of the Economics of Business*, vol. 14:2.

¹⁸ Wang, X., Tan, L., Zhou, J. (2005) 'The nature of the state-owned assets supervision and administration commission', *Contemporary Finance & Economics*, vol. 246.

докладу ОЭСР¹⁹, к 1997 году из 22000 госпредприятий около 7000 зарегистрировали убытки. В 1998 году премьер госсовета КНР Чжу Жунцзы объявил о запуске Трёх-летнего плана реформ и начале реорганизации госпредприятий. Его суть обозначили, как принято в Китае, в ёмкой фразе «сохранить больших, отпустить маленьких»²⁰. Это означало, что в государстве окончательно победил курс на создание супергигантов в ключевых для экономики областях, а мелкие и средние предприятия решено было продать на рынке. Впрочем, ставка на «национальных чемпионов» отнюдь не означала, что они будут выращиваться в тепличных условиях. Моделью развития были выбраны южнокорейские и японские концерны, но даже крупные компании должны были доказать свою эффективность в рыночных условиях. Начались массовые увольнения, закрытия безнадёжных компаний, увольнения некомпетентных менеджеров и диверсификация производств. Провинциальные власти бросились распродавать убыточные предприятия, сливая в конгломераты прибыльные. В результате, шла концентрация государственной собственности.

На этом этапе анализа важно выделить причину, по которой схема отношения между властью и собственностью позволили стране достичь выдающихся экономических результатов. Почему чиновники не разрушили систему хозяйствования рейдерскими захватами, разорением предпринимателей, постоянными проверками? Ключевым фактором, предотвратившим такое развитие событий, стала реформа регионального управления, которая выразилась в привязке центральной властью процветания чиновников к процветанию местного бизнеса. Руководители территориальной единицы любого уровня подписывают контракт, по которому обязуются перед начальством к концу определённого срока повысить ряд показателей. Если они его не выполняют – чиновник получает выго-

вор и может быть уволен или понижен. Если выполняют или перевыполняют – чиновник получает премию или идёт на повышение. Показатели делятся на «жёсткие» и «мягкие», и выполнение первых даёт больше «очков». В списке жёстких критериев – привлечение в регион инвестиций, повышение промышленного производства, рост налоговых отчислений. В числе «мягких» – экология, здравоохранение и образование. Более того, в рамках описанной системы фискальной децентрализации местные власти были практически отрезаны от центрального финансирования и бюджетных субсидий, они обязаны были покрывать все имеющиеся расходы за счёт налоговых поступлений. Естественно, предприниматели, как крупнейшие налогоплательщики, стали восприниматься как важная составная часть местной экономики.

ГКУНГС И СОЗДАНИЕ МЕГАКОРПОРАЦИЙ

В 2003 году для упорядочения управления госпредприятиями была образована ГКУНГС (SASAC), Государственная комиссия по управлению и надзору за государственной собственностью, которая переподчинила себе все крупные предприятия, обозначенные как стратегические, кроме банков и финансовых учреждений (для них уже существовали отдельные структуры). К этому моменту приватизация малых и части средних предприятий уже была завершена, а другая часть средних и многие крупные госпредприятия провели некоторое время на рынке и были поглощены либо частными, либо, что происходило чаще, другими государственными компаниями. Наиболее крупные «монстры индустрии» были серьёзно реструктурированы, управление было улучшено, а лишний персонал хоть и медленно, но увольнялся. В связи с резко изменившимся экономическим ландшафтом, государству потребовался единый орган для координации действий госкомпаний в новых условиях.

Главной целью создания ГКУНГС являлось повышение прибыльности госпредприятий, а ключевыми задачами были следующие²¹:

¹⁹ Lee, J. (2010) *State Owned Enterprises in China: Reviewing the Evidence*, OECD Working Group on Privatisation and Corporate Governance of State Owned Assets (OECD Publishing).

²⁰ Zheng, Y., Chen, M. (2007) 'China's Recent State-Owned Enterprise Reform and its Social Consequence', China Policy Institute Briefing, Issue 23.

²¹ Mode of access: <http://www.sasac.gov.cn/n2963340/n2963393/2965120.html> (last visited: 17.11.2014).

Таблица 1

Типы компаний под управлением ГКУНГС
и информация о них

Тип компаний	Описание отраслей группы	Описание плана собствования	Количество предприятий в списке
Ключевые и стратегические компании	Оборона, производство и транспортировка энергии, телекоммуникации, нефть и нефтепереработка, угледобыча, гражданская авиация, кораблестроение	Сохранять 100% контроль над отраслями, по возможности наращивать объёмы собственности	40
Стержневые компании (pillar industries)	Машиностроение, автомобилестроение, ИТ, строительство, металлообработка, химическая промышленность, геологоразведка	Сохранять достаточную долю во всех компаниях для влияния на процессы в отрасли	60
Прочие компании	Торговля, инвестиции, медицина, производство стройматериалов, сельское хозяйство, земельные работы	Контролировать значительные доли в ключевых компаниях отраслей. Из остальных – уходить	40

1. Управление активами госпредприятий.
2. Деятельность в качестве стратегического инвестора.
3. Контроль за кадровой политикой.
4. Стимуляция реформирования и модернизации госпредприятий.

Для каждой из крупных компаний разрабатывался план, подписываемый топ-менеджерами при назначении на должность. План включает в себя ключевые индикаторы роста, которые необходимо достигнуть компании по истечении отчётного периода. Если в результате план не выполняется – менеджер в первый отчётный период штрафуются, а потом и увольняется. В случае успеха или перевыполнения плана назначается премия. По сути, эта схема мало отличается от той, которая принята на частных предприятиях, с той лишь разницей, что государство продолжает сохранять «командные высоты» в экономике. Более того, согласно перечню полномочий, ГКУНГС имеет право наложить вето на любое коммерческое решение, если оно будет сочтено противоречащим интересам государства.

В результате, в стране установилась новая система управления госпредприятиями. В ней присутствуют три составляющие:

1. Компании, напрямую подчиняющиеся ГКУНГС.
2. Финансовые компании, подчиняющиеся профильным контролирующим органам: Китайской комиссии по регулированию банковской деятельности, Китайской комиссии

по регулированию страховой деятельности и Китайской комиссии по регулированию обращения ценных бумаг.

3. Компании и учреждения, подчиняющиеся непосредственно центральным министерствам.

Рассматривая особенности и структуру предприятий, управляемых ГКУНГС, стоит отметить, что до 2006 года их список вообще был закрыт для общественности. С 2006 года он находится в открытом доступе, как и общее описание плана собствования, и мы можем видеть, что государство считает стратегическими следующие типы предприятий табл.1.

Стоит учесть, что из первоначальных 140 компаний (к 2014 году их осталось 113) практически все были огромными зонтичными холдингами, объединявшими много сотен предприятий. Крупнейшие компании из списка имеют до 17 000 субподрядчиков, разделённых пятью уровнями подчинения по принципу матрёшки. При этом, многие мелкие подчинённые компании зачастую бывают частично, а то и полностью приватизированы, так что по факту контроль ГКУНГС над всей цепью производства далеко не абсолютен²². Более того, к 2009 году стало очевидно, что на нижнем уровне продолжается распродажа местными властями малых и средних предприятий, прямо задействованных в деятельности стратегиче-

²² Mattlin, M. (2010) 'Chinese Strategic State-owned Enterprises and Ownership Control', BICCS Asia Paper, vol. 4.

ских холдингов. В результате, было издано постановление правительства, в котором за-прещалась приватизация и даже частичная продажа компаний, имеющих отношение к производственным цепочкам холдингов, отнесённых к «Ключевым и стратегическим».

Внимание к компаниям под управлением ГКУНГС не ограничивается вышеописанным постановлением. Официальные лица не раз заявляли, что будут и дальше прилагать все усилия для максимального укрупнения этих предприятий и будут стремиться сократить их число до 30–50 штук, причём предприятия из второй и третьей групп будут либо слиты с первой, либо приватизированы²³. По мнению властей КНР, расширять список не стоит, но управляемые ГКУНГС компании должны быть самыми крупными, прибыльными и современными, их основная цель – конкурировать на международной арене. Помимо всего прочего, они являются популярным местом для работы членов Партии – в 2012 году там трудилось более 5 млн коммунистов²⁴, и некоторые главы госкомпаний являлись членами ЦК КПК. Грань между политической и менеджерской позиций в госкомпаниях стёрта, так как через них государство экономическими методами решало задачи сохранения контроля над страной и стабилизации социальной сферы: регулирование цен на энергию, продовольствие, строительство и т.п.

По большому счёту, государство стремится уйти как можно дальше от оперативного управления экономикой, реализуя свою роль контролёра «командных высот» через управление ключевыми вспомогательными индустриями, главные из которых – энергетика, оборона и телекоммуникации. По сути, эти три отрасли способны при должном управлении оказывать ключевое влияние на всю экономику: все современные компании пользуются связью и все производства нуж-

даются в энергии. Государственная оборонная промышленность позволяет контролировать производство оружия и гарантировать, что оно окажется только у «нужных» людей. Авиация и кораблестроение же являются отраслями с очень высокими входными барьерами, и на сегодняшний день без значительного участия государства поднять их с нуля было бы весьма затруднительно, так что контроль также можно считать оправданным. Уменьшение числа корпораций позволит также уйти из-под огня внутренней и внешней критики, которая утверждает, что госпредприятия всё ещё неэффективны, рабочие там получают неоправданно высокую зарплату, а банки выдают им льготные кредиты²⁵. Проблема с банковским финансированием действительно довольно серьёзна: в 2005 году численность малых и средних предприятий составляла около двух третей экономики, но на них приходилось лишь 16% банковского обеспечения²⁶.

Хороший пример протекания процесса образования мегакорпораций, которые вошли в структуру ГКУНГС, даёт исследование этого явления в провинции Шаньдун²⁷. В 1993 году после публикации приказа о введении ССУП, власти провинции выбрали 136 больших компаний, находившихся под их прямым управлением. В последствии они были сгруппированы в 8 концернов, которым суждено было стать сначала провинциальными, а потом и национальными локомотивами роста. Моделью для управления компаниями был, как уже упоминалось, южнокорейский конгломерат *Samsung*, который объединял в себе в то время (до азиатского финансового кризиса) широкий спектр производств, от йогуртов до высокоскоростных поездов. Критерии отбора предприятий на позиции национальных чемпионов были следующими:

1. Совпадение профиля с целями местной промышленной политики;

²³ Pan, L. (2007) 'Number of Central Enterprises to Reduce One-third', China Daily, 15.07.2007 available online 22.11.14 at http://www.gov.cn/english/2007-06/15/content_650104.htm

²⁴ Pei, M. (2012) 'China's Politics of the Economically Possible', Project Syndicate online, 16.03.2014, available online 22.11.14 at <http://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-politics-of-the-economically-possible>

²⁵ Zheng, Y., Chen, M. (2007) 'China's Recent State-Owned Enterprise Reform and its Social Consequence', China Policy Institute Briefing, Issue 23.

²⁶ Ibid.

²⁷ Liu, L. (2008) 'Local Government and Big Business in the People's Republic of China –Case Study Evidence from Shandong Province', Asia Pacific Business Review, vol. 14, issue 4.

2. Значительный вклад в местный ВВП;
3. Конкурентоспособность продукции на мировом рынке и способность зарабатывать иностранную валюту;

4. Реализованный эффект масштаба. Другими словами, достаточно большой размер при сохраняющейся прибыльности и эффективности.

Отобранным предприятиям был придан специальный политический статус приоритетных компаний. Они обязаны были составить индивидуальные бизнес-планы кратного увеличения прибыли, а взамен получали доступ к дешёвым кредитам, приоритетному снабжению водой и электричеством, спонсированию технического перевооружения и т.п. В 1997 году власти провинции одобрили 57 сделок по слиянию и поглощению между госпредприятиями, укрупняя отобранные компании. В результате, к 2001 году объединённые в 8 концернов 136 компаний давали 52,6% совокупной прибыли госпредприятий в провинции (всего их было около 8 тысяч). Активно привлекалось внебюджетное финансирование программ развития. С 1996 по 1998 год в одной только провинции Шаньдун было списано 3 млрд юаней долгов, лежавших на будущих чемпионах.

При этом, по мнению исследователя Джеймса МакГрегора, концерны являются зачастую убыточными предприятиями. Ссылаясь на данные китайского Института экономики «Юнирул», автор приводит следующие цифры: в период с 2001 по 2009 года госкорпорации под управлением ГКУНГС отчитались о прибыли в размере 920 млрд долларов. Тем не менее, если вычесть все государственные субсидии, получается, что за этот период среднегодовой возврат на вложенный капитал составил минус 6,29%²⁸.

Осознавая эту проблему, в октябре 2012 года был возвращён к жизни так называемый план «36 пунктов», разработанный в 2005 и положенный тогда под сукно. Он предполагает развитие возможностей для частичной приватизации компаний, работающих в святая святых государственной экономики: телекоммуникациях, электроэнергетике, не-

фтегазовой сфере и т.п. Было объявлено, что концерны, если позволят условия, выставят на продажу значительные пакеты акций дочерних предприятий²⁹. Основная цель реформы – довести все государственные компании до уровня, на котором они бы удовлетворили требованиям для выхода на биржу. Для этого было решено пригласить во все наблюдательные советы независимых директоров³⁰.

БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КИТАЕ

Исследователи зачастую описывают существующую в Китае модель как «государство-предприниматель» (*entrepreneurial state*), что несколько отличается от модели государственного капитализма. Ключевой особенностью модели является то, что государственные органы и выступают как бизнесмены, вкладывая деньги в высокорискованные активы³¹ и стимулируют конкуренцию вместо того, чтобы, как принято в госкапитализме, всячески их защищать от любых шоков. Как уже говорилось выше, в 1990х гг. и во многих случаях до сих пор чиновники зачастую непрямым образом участвуют в управлении и получении прибыли от предприятий, что также даёт им некоторые предпринимательские навыки. Тем не менее, государственный сектор в Китае, очевидно, отступил, и частная собственность занимает в нём доминирующее по совокупному вкладу в ВВП место.

В начале процесса реформ в 1978 году госпредприятия давали 77,6% промышленной продукции (остальное – предприятия коллективной формы владения). К 2004 году эта цифра упала до 30%, и в 2011 году государственный сектор давал лишь 27% продукции, 35% налоговых поступлений и 20% капитальных инвестиций.

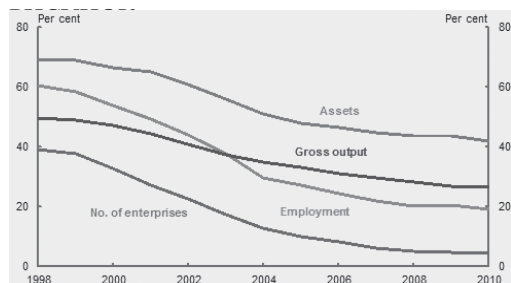
²⁸ McGregor, J. (2012) No ancient wisdom, no followers: The Challenges of Chinese Authoritarian Capitalism, Easton Studio Press.

²⁹ McGregor, J. (2012) No ancient wisdom, no followers: The Challenges of Chinese Authoritarian Capitalism, Easton Studio Press.

³⁰ Mode of access: <http://english.peopledaily.com.cn/90785/7990705.html> (last visited 16.11.2014)

³¹ Liu, L. (2008) 'Local Government and Big Business in the People's Republic of China –Case Study Evidence from Shandong Province', Asia Pacific Business Review, vol. 14, issue 4.

Таблица 2

Снижение доли государственного сектора в период 1998-2010 года³²

Государственный сектор также получил 60% всех иностранных инвестиций и трудоустраивает 20% рабочей силы³³. Совокупная стоимость всех активов госпредприятий на 2012 год составляла 44% ВНД³⁴, что говорит об их большой капиталоемкости.

Таблица 3

Доля производства государственных предприятий в общем объеме производства отраслей.

Составлено на основе данных ОЭСР³⁵

Год	Производство еды и напитков	Изделия из текстиля, меха и кожи	Медицинские товары	Обработка чёрных и цветных металлов
1998	51,5	35,6	60,8	65,6
2002	34	19,5	46,8	53,9
2006	19,5	7,9	29,5	43

В 2008–2009 гг. во время всемирного экономического кризиса положение государственных компаний по сравнению с частными несколько упрочилось. Произошло это в результате массовой программы спасения государственных предприятий, развёрнутой государственными же банками. Несмотря на то, что частные компании формально пользуются такими же возмож-

ностями, что и государственные, крупнейшие банки выдавали последним кредиты намного охотнее. Из-за наличия самых крупных в мире золотовалютных резервов, Китай провёл беспрецедентную программу вливания средств в экономику (4 млрд. юаней), эффект от которой далеко превосходит посткризисное восстановление.

Несмотря на это, сразу после финансового кризиса разрыв по прибыльности между частными и государственными компаниями ещё больше вырос. Средний возврат на единицу вложений в 2013 г. достиг 9,1% для частных и 4,6% для государственных компаний³⁶. Аналитики утверждают, что модель администрирования госкорпораций близка к истощению, и они уже не способны выдавать темпы роста, необходимые для увеличения ВВП на плановые 7% в год. Более того, с 2007 г. задолженность госкомпаний по отношению к их собственному капиталу начала расти, достигнув к 2012 г. 154%, показатель, невиданный с азиатского кризиса 1997–1998 гг. Задолженность частных компаний при этом в среднем упала до 120% с тех же 160%³⁷. Реагируя на эти замечания и объективную ситуацию, Госсовет в декабре 2013 года выпустил новый набор постановлений, которые предполагают существенное продвижение по пути приватизации предприятий под управлением ГКУНГС. Конкретизация этого положения последовала полугодом позже, когда стало известно, что для 6 крупных (но не крупнейших) компаний будут ослаблены ограничения на выпуск акций для иностранцев, физических и юридических лиц. В список попали предприятия Синофарм, Государственная корпорация по развитию и инвестициям, Китайская корпорация по энергосбережению и защите окружающей среды, Синьсин Кайтай Интернешнл и Китайская национальная корпора-

³² Zhang, D., Freestone, O. (2013) 'China's unfinished state-owned enterprise reforms', Economic Roundup, issue 2.

³³ British Embassy in Beijing (2013) 'China Economy: Prospects for SOE Reform', Analytical paper.

³⁴ Mode of access: <http://www.mckinseychina.com/chinas-next-wave-of-priv> на сайте izna сайте ion (last visited 16.11.2014).

³⁵ Lee, J. (2010) State Owned Enterprises in China: Reviewing the Evidence, OECD Working Group on Privatisation and Corporate Governance of State Owned Assets (OECD Publishing).

³⁶ Widalou, G. (2014) 'China announces plan for reform of state-owned enterprises', Financial Times, 15.07.2014, available online 19.11.2014 at <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/07928638-0c24-11e4-a096-00144feabdc0.html#axzz3A56IU95t>

³⁷ Tudor-Ackroyd, A., Song, J. (2014) 'China's SOE Reform Gathers Pace', Finance Asia, 15.07.2014, available online on 19.11.2014 at <http://www.financeasia.com/News/388692,chinassoe-reform-gathers-pace.aspx> (accessed 16.11.2014).

ция стройматериалов³⁸. Ведущая нефтяная компания Китая Синопек хотя и не попала в список, но синхронно с выходом постановления заявила, что самостоятельно приступит к частичной приватизации некоторый из своих «дочек», в частности, сегмента конечных продаж³⁹. Другая китайская нефтегазовая корпорация КННК не пошла так далеко, но наняла пятерых независимых членов совета директоров для улучшения корпоративного управления⁴⁰. В числе других важных мер было указано, что госпредприятия будут постепенно отдавать всё больше налогов в специальные социальные фонды, и к 2020 году размер взносов будет достигать 30% от прибыли, в то время как сейчас он составляет от 0% до 15%⁴¹.

Основная проблема с госкорпорациями в настоящий момент состоит в том, что они «застряли между двумя мирами». С одной стороны, им предписано управляться как коммерческим структурам, выставлять акции на бирже и осуществлять прямые иностранные инвестиции, и многие из них действительно современны и модернизированы. С другой – они сохранили черты, присущие предприятиям плановой экономики: доступ к дешёвым кредитам, списание долгов, сомнительная рентабельность и нагрузка «социальными обязательствами». Госпредприятия искажают рыночную среду и вызывают на себя огонь критики со стороны владельцев частного бизнеса за неэффективность и коррупцию, но при этом они выполняют очень важную функцию. Через владение госпредприятиями Компартия осуществляет контроль над секторами экономики, жизненно важными для функционирования всех частных предприятий. В основном они имеют отношение к инфраструктуре, транспорту и энергетике во всех её формах (разведка, добыча, производство транспортных средств,

поставки потребителям). Во-первых, эти отрасли высокомаржинальны (кроме судо- и авиастроения), а значит государство получает доход, во-вторых, они позволяют «перекрыть кислород» любому предприятию, владец которого тем или иным образом ведёт нежелательную, пусть даже и законную, деятельность.

ВОПРОС О ЗЕМЛЕ

В 2007 году случилось долгожданное событие: специальным законом в Китае был одобрен закон о защите частной собственности⁴². Отныне частная собственность защищалась законом так же, как коллективная и государственная. Западные СМИ назвали этот закон «эпохальным»⁴³ и ведущим к дальнейшему укреплению капитализма в Китае. Однако, очень большая группа населения не получила от закона того, что ожидала. Эта группа – крестьяне, которые зачастую высеялись со своих земель государственными компаниями без должной компенсации, если местные или центральные власти решали, что их землю выгоднее будет перепрофилировать и передать бизнесменам, которые увеличивали налоговые поступления и были всегда щедры на неформальные подарки. Земля в законе по-прежнему названа исключительной собственностью государства, которое имеет право перераспределять её любым образом. Крестьяне, как и тысячу лет назад, остались лишь её арендаторами. Отношения власти собственности в КНР понять будет трудно, если не рассмотреть эту норму и её последствия особым образом.

Основные проблемы по этому вопросу были связаны с системой региональной власти, существующей в КНР. Как уже говорилось выше, чтобы удержаться на посту и расти вверх, чиновнику необходимо развивать местный бизнес. С одной стороны, это идёт на пользу локальной экономике, с другой – заводы и отели нужно где-то размещать, и

³⁸ Widalou, G. (2014) 'China announces plan for reform of state-owned enterprises', Financial Times, 15.07.2014, available online 19.11.2014 at <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/07928638-0c24-11e4-a096-00144feabdc0.html#axzz3A56IU95t>

³⁹ Mode of access: <http://www.bunkerportsnews.com/News.aspx?ElementId=f802eb0b-1e73-48b6-95de-3e8cd577a05a> (last visited 16.11.2014).

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2013-11/19/content_17117233.htm (last visited 16.11.2014).

⁴² Закон КНР о частной собственности (Zhonghua renmin gongheguo wuquan fa), Mode of access: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=193400 (last visited 22.11.14).

⁴³ 'China passes new law on property', BBC News, Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/6456959.stm> (last visited 22.11.14).

чиновники, как представители владеющего землёй государства, чаще всего выселяют крестьян с земли, лучше всего подходящей под застройку. При этом, разница между выделяемой компенсацией и рыночной ценой земли может достигать нескольких десятков раз. В среднем по экономике компенсация за 400 кв. метров (1 акр) реквизируемой земли составляет приблизительно 110 000 юаней, в то время как рыночная стоимость может доходить до 4,5 млн юаней⁴⁴.

Но на этом проблемы переселённых китайских фермеров не заканчиваются. В КНР действует система очень жёсткой городской прописки *хукоу*, которая препятствует использованию сельским населением социальных благ, предоставляемых в городах. В случае переезда перемещённых лиц в города прописка у них остаётся деревенская. Это значит, что они не смогут пользоваться государственными услугами, а их дети не смогут пойти в местную школу. Только в 2011 году наконец-то был утверждён закон, прямо запрещающий перемещение или выселение людей кроме как в случае «чрезвычайной ситуации». Впрочем, какую ситуацию считать «чрезвычайной», в законе не указано.

Вполне вероятно, что закон была каким-то образом связан с восстанием сентября-декабря 2011 года в деревне Укань, которое имело большой общественный резонанс. С 2009 года местные власти постепенно распродавали частному бизнесу фермы крестьян, располагавшиеся в удачном с точки зрения размещения месте провинции Гуандун. Крестьяне писали петиции в местные и центральные органы, но эффекта не последовало. В сентябре 2011 года жители начали собираться у здания местной администрации в городском центре Луфенг. Когда их попытались разогнать – началось массовое побоище: в город ввели спецподразделения полиции, которые в течение трёх дней пытались разогнать собравшихся, которые сопротивлялись при помощи самодельного оружия. В конце концов пришлось

вмешаться губернатору провинции Гуандун, который велел решить дело миром и сказал, что его устраивают более низкие темпы экономического роста. Протестующим предложили выделить 13 переговорщиков для урегулирования вопросов с местными властями. Это было сделано, но ещё до начала переговоров трое из них были арестованы и один умер в полицейском участке при невыясненных обстоятельствах. Власти утверждали, что у него был сердечный приступ, но родственники при осмотре тела (выдать им его для похорон отказывались) обнаружили на теле следы пыток.

После этого около 10 тысяч человек опять собрались около полицейского участка. Власти отказались выдать родственникам тело умершего, после чего протестующие пошли на штурм полицейского участка и местной администрации. Они выгнали из города всех чиновников представителей власти, после чего контроль над деревней перешёл в руки оставшихся в живых и на свободе выборных переговорщиков, которые управляли ею из храма богини моря Мацу⁴⁵. В ответ на это власти перекрыли ведущие в город магистрали, отрезав деревню от поставок любых товаров. Тем не менее, восставшие не сдавались до тех пор, пока 20 декабря провинциальные власти не вмешались и не выполнили практически все требования восставших: тело погибшего активиста было возвращено родственникам, земля возвращена крестьянам, ответственные за отъём земли чиновники арестованы, механизм избрания деревенских управляющих изменён (в КНР он по закону может отличаться от деревни к деревне), а все финансовые дела деревни были открыты для публичного ознакомления. На выборах управляющего деревней в следующем году лидер протестующих Лин Цзулуань победил, получив поддержку 85% проголосовавших, а дочь погибшего переговорщика получила должность в специальном совете, который был создан для надзора за испол-

⁴⁴ Lee, P. (2012) 'A Land Grab Epidemic: China's Wonderful World of Wukans', Council on Foreign Relations, available online 22.11.14 at <http://blogs.cfr.org/asia/2012/02/07/a-land-grab-epidemic-chinas-wonderful-world-of-wukans/>

⁴⁵ Simpson, P. (2011) 'Wukan siege: rebel Chinese villagers reject resolution talks', The Telegraph, available online 22.11.14 at <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/8964409/Wukan-siege-rebel-Chinese-villagers-reject-resolution-talks.html>

нительной властью деревни⁴⁶. Стоит отметить, что голосование чуть ли не впервые в истории китайской сельского избирательной истории было тайным и проходило в присутствии независимых наблюдателей.

Данный инцидент даёт достаточно много для понимания особенностей взаимоотношений между властью и собственностью в КНР. Реализуемая в стране модель управления, на первый взгляд, выглядит как чрезмерно централизованная: исполнительная власть, подчинённая Компартии, формально пронизывает всё общество сверху донизу и распоряжается всеми ресурсами. По факту же центральные и даже провинциальные управляющие зачастую очень плохо осведомлены о происходящем на низовом уровне, где безраздельно царствуют мелкие чиновники, зачастую серьёзно превышающие свои полномочия и вовлекаемые в различные коррупционные схемы с участием местных же бизнесменов. В условиях отсутствия законодательной базы, защищающей права крестьян на землю, а также полноценного контроля граждан над властью, подобные инциденты неизбежны. В целом стратегия разрешения конфликтов на местном уровне предполагает вмешательства властей провинции, которые чаще всего разрешают его в пользу жителей. Таким образом, Компартии в целом удаётся поддерживать свой имидж, несмотря на то, что нарушающие закон местные власти тоже являются коммунистами. Она выступает как защитник обездоленных, хотя низкие зарплаты чиновников и контракты с руководителями административных единиц, заставляющие их идти на противоправные действия для выполнения плана, являются целенаправленной политикой центральной власти.

Один пример был бы мало полезен с точки зрения научного анализа, но, к сожалению, случай в Укане мало чем выделяется на фоне других инцидентов подобного рода, происходящих в КНР повсеместно. В частности, в день окончания противостояния в Укане 20 декабря 2011 года в городе Хаймэнь той же провинции вспыхнули жесточайшие беспорядки, связанные с переселением кре-

стьян для строительства угольной электростанции. Столкновения с полицией привели к двум погибшим, и напряжение спало 23 декабря только после того, как местные власти отменили строительство и освободили всех задержанных, не дожидаясь вмешательства губернатора⁴⁷.

Примечательно, что постепенно власть относится к восставшим против произвола крестьянам и их требования со всё большим пониманием. Инцидент схожего характера в деревне Дунчжоу в конце 2005 – начале 2006 года хоть и завершился в пользу восставших, но привёл к аресту большинства активистов⁴⁸. А вот в 2004 году совершенно аналогичные протесты в деревне Таншань провинции Хэбэй завершились массовым задержанием, игнорированием всех требований и усилением репрессий в отношении активистов⁴⁹ и журналистов, освещавших инцидент⁵⁰.

Постепенно отношение властей к праву крестьян пользоваться землёй становится всё более гуманным. Конечно, инциденты с незаконным изъятием продолжают иметь место, но сегодня ситуация в этой сфере, особенно после запрещения реквизиции без экстренной ситуации, стала намного лучше.

Впрочем, это касается только легальной стороны вопроса. В определённых условиях местные власти в КНР идут на сделку с криминалитетом для того, чтобы восстание недовольных крестьян было подавлено ещё в зародыше. Схема выглядит следующим образом⁵¹: чиновники планируют пополнить областной и свой личный бюд-

⁴⁶ Mode of access: <http://www.bangkokpost.com/news/asia/279492/chinese-village-experiments-with-democracy> (last visited 16.11.2014).

⁴⁷ Mode of access: http://www.dahuawang.com/strb/html/2011-12/21/content_277192.htm (last visited 16.11.2014).

⁴⁸ Mode of access: <http://www.scmp.com/article/549582/lawful-resolution-land-disputes-needed> (last visited 16.11.2014).

⁴⁹ Tangshan Peasant Protest Leader Detained in Advance of Wen Visit, *Human Rights in China*, 06.07.2014, Mode of access: <http://www.hrichina.org/en/content/1886> (last visited 22.11.14).

⁵⁰ Chinese Police Harass Journalist Who covered Tangshan Protest, *Human Rights in China*, 14.06.2014, Mode of access: <http://www.hrichina.org/en/content/1981> (last visited 22.11.14).

⁵¹ Смолин, А. (2014) «Голые чиновники», шуангуй, гуаньши и другие китайские инновации в праве, РАПСИ, Режим доступа: http://rapsinews.ru/international_publication/20140611/271508754.html#ixzz34ydu1zX0 [Smolin, A. (2014) "Golye chinovniki", shuangui, guan'shi i drugie kitaiskie innovatsii v prave, RAPSI, Rezhim dostupa: http://rapsinews.ru/international_publication/20140611/271508754.html#ixzz34ydu1zX0].

жет через строительство на территориях, принадлежащих крестьянам, социального жилья. Они вступают в сговор с местным преступным сообществом, которое оказывает помощь в освобождении требуемой территории от местных жителей в сжатые сроки. После постройки на этом месте «социального жилья» участникам преступного сообщества выделяется в готовых домах часть квартир. Большинство остальных квартир, построенных за бюджетные деньги, отходят чиновникам из местной администрации. Доходит до того, что к моменту окончания строительства и сдачи дома чиновники успевают перепродавать полученные квартиры на вторичном рынке, как произошло в городе Синьчжоу⁵².

ИТОГИ И ВЫВОДЫ

Отношения между властью и собственностью в Китае постепенно изменяются в сторону увеличения структуризации и уменьшения «белых пятен» и дискретных положений. Признав частную собственность и предпринимателей главным локомотивом экономики, государство сделало всё возможное, чтобы создать в стране экономический климат, способствующий развитию этого вида деятельности. Это, впрочем, отнюдь не отменило того факта, что КПК намерено сохранять полный контроль над государством и обществом, в том числе и через значительный сектор государственной собственности, в основном включающей в себя энергетику, оборону, транспорт и базовые ресурсы.

Компартия постепенно уходит от оперативного контроля над экономикой, её не интересует формат распределения товаров внутри страны. Цель владения государственной собственностью – политическая. Во-первых, через контроль над ресурсами и энергией легче всего влиять на цены на конечную продукцию, что важно при осуществлении внешне- и внутривнутриполитических действий. Во-вторых, госкорпорации трудоустраивают значительное число членов пар-

тии и, таким образом, создают для КПК базу лояльности из состоятельных и влиятельных профессионалов. В-третьих, партии необходимы каналы привлечения средств, не связанных с официальной бухгалтерией, так как она может стать достоянием общественности.

Ключевым элементом, предохраняющим систему от экстрактивного поведения чиновников по отношению к бизнесменам, является высокий престиж партийно-чиновничьей карьеры и система регионального управления, построенная на зависимости перспектив чиновника от экономики территории. Эта же система ведёт к нарушению властью прав крестьян, сгоняемых с земли для строительства жилых или бизнес-объектов. Эта проблема реальна, но она решится только в ходе урбанизации, когда большая часть крестьян сможет переехать в города.

В ходе финансового кризиса 2008–2009 годов доля государства в экономике выросла с 29% до 35%, но только потому, что у властей была возможность вложить в спасение госкомпаний несколько триллионов юаней. При аналогичной структуре экономики Южная Корея в 1997 вынуждена была фактически разукрупнить чеболи, и высока вероятность, что при затяжном кризисе госпредприятия также ждёт коллапс. Учитывая, что государство выбрало их одним из главных инструментов стабилизации политической сферы, последствия могут быть непредсказуемы.

⁵² Dver, G. (2010) 'Property Boom Stokes Corruption in China', Financial Times, available online 22.11.14 at <http://www.ft.com/cms/s/0/30207dec-7b39-11df-8935-00144feabdc0.html>

Власть и собственность в Китае

Михаил Юрьевич Коростиков, магистрант МГИМО (У) МИД РФ

Аннотация: Несмотря на то, что исторически Китай олицетворял собой «восточный» тип отношений между властью и собственностью, при котором всё в стране принадлежит верховному правителю, последние 35 лет это положение вещей стало меняться. Постепенно, шаг за шагом государство добровольно передаёт контроль над собственностью представителям различных групп. Этот процесс сопряжён со множеством проблем: правовой вакуум порождает рентоориентированное поведение части бюрократии, реформы зачастую выходят половинчатыми и не решают поставленной задачи. Тем не менее, процесс уже выглядит необратимым и, скорее всего, в ближайшее время приведёт к ускорению политических и социальных изменений в КНР.

Ключевые слова: Китай, бюрократия, политическая система, модернизация, власть и собственность, модели развития, экономика

Power and Property in Chinas

Mikhail Yurievich Korostikov, MA in World Regional Studies
(MGIMO-University)

Abstract: Despite the fact that China has historically symbolized an “Oriental” pattern of power-property relations, with everything in the country belonging to a sovereign ruler, this has been changing over the last 35 years. Steadily and voluntarily the state is ceding control of property to different social groups. This process entails several problems: legal vacuum engenders rent-oriented behavior of bureaucracy, reforms often turn out to be half-way and cannot solve a problem. Nevertheless, the process seems to be irreversible and likely to foster political and social changes in China in the near future.

Key words: China, bureaucracy, political system, modernization, power and property, development patterns, economy.